

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

«ВОСТОЧНЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ» С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 43. «Князь Хезроана» (Кесруана ?) [1729 или 1729–1730] – Абу Генблат Нессар Абаиши (Абаиси ?)

Сведения об этом самозванце мизерны. Но могут помочь известия о подобных же авантюристах, приезжавших в Россию под видом восточных монархов.

Абу Генблат был, видимо, османским подданным арабского происхождения. Не исключено, что он родился там, откуда и приехал в Россию, – у «Горы Ливанской». Вероятно также, что он был христианином, а именно маронитом¹. Второй вариант его фамилии предлагается потому, что при Екатерине II Россию посетил «принц Палестины» Иосиф Абаиси.

В титуле Абу Генבלата, очевидно, фигурирует Кесруан (Касраван) – горная область к востоку и северо-востоку от Бейрута. В то время Ливан, будучи частью Османской империи, являл собой совокупность полуавтономных мусульманских и христианских государств под управлением эмиров и шейхов. Верховными правителями Ливана с 1697 года считались эмиры из друзского рода Шихаб². Кесруан же населяли марониты, которыми управляли шейхи из конкурировавших родов Хазен (Казен, Хазин, Hasin) и Хбейш (Хобаиш, Хбейх, Хабейх, Hbeich, Habei^h)³. Скорее всего, Абу Генблат представлялся верховным правителем указанной области. Тут можно вспомнить европейскую традицию, когда русскому слову «князь» соответствовало романское «prince» и германское «fürst», причём эти слова обозначали и монарха. Не случайно дипломат и историк XIX века К. М. Базили называл ливанских эмиров также «князьями Ливана», а их владения – «Ливанским княжеством».

К самозванству Абу Генבלата подтолкнуло, вероятно, стремление разбогатеть за счёт христианских монархов. А породить подобное желание могли слухи, что в Европе радушно привечают антитурецки настроенных властителей с Ближнего Востока. Ещё в начале XVII века ливанский эмир Фахр-ад-дин II Маан, прожив лет пять в Италии, стал «предметом всеобщего участия и благосклонного внимания на Западе». По его стопам пошли марониты. К середине XVIII века «Европе были известны они только по своим нищим шейхам, которые от времени до времени отправлялись на Запад с громким титулом князей ливанских для сбора подаяний»⁴.

Не позднее 1728 года и наш герой отправился в такое путешествие. Для вояжа нужны были средства, значит бедняком Абу Генблат не был. Одевался он, видимо, или по-турецки, или по обычаю Горного Ливана, где основными элементами костюма у мужчин были «обёрнутый тканью войлочный колпак, шерстяная куртка, шаровары, сапоги»⁵. Очень даже вероятно, что при нём были слуги или хотя бы один служитель. Вероятно, до России «князь» добирался одним из таких маршрутов: Ливан – Крым – Речь Посполитая – Украина; Ливан – Западная Европа – Речь Посполитая – Украина или Белоруссия; Ливан – Западная Европа – Балтика – Петербург.

В 1729 году «князь Хезроана» ступил на российскую землю и сразу же «проявился» – либо перед начальством какого-то форпоста на российско-польской границе, либо (если плыл через Балтику) в Коллегии иностранных дел. Вряд ли он попал под арест и следствие. Если он приехал из Польши, то местные власти, очевидно, сообщили о нём в Петербург и, получив соответствующие указания, пропустили его далее вглубь страны. Причём самозванец, вероятно, получил «подорожную» (проезжий документ), «ямские подводы»,

толмача и двух-четырёх солдат в провожатые. Он мог добраться до Петербурга, а мог всего лишь до Москвы. Если же Абу Генблат приплыл прямо в столицу, то ему, должно быть, сразу разрешили пожить там, запретив, однако, выходить из квартиры «без позволения».

Самозванца должны были расспросить и о его жизни, и о состоянии Османской империи. В Москве такие «расспросы» устраивала Контора Коллегии иностранных дел и Контора Сената, в столице – Коллегия иностранных дел. Абу Генблат мог также дать письменные показания, подавать на бумаге прошения. В любом случае он вряд ли не рекламировал себя как повелителя угнетаемых турками христиан и не обращался к царю с просьбой о материальной поддержке. Наверняка он пропел песню о том, что враги лишили его престола или что османы взяли его родичей в заложники и требуют выкупа.

Можно полагать, что в конце концов самозванцу дали денег и отправили за

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11.

[с. 34]

границу – через Астрахань или Архангельск. Так что авантюрист мог прожить в России от месяца до года, а его соучастниками объективно были чиновники дипломатического ведомства и, вероятно, даже сам государь – Пётр II.

Источник

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 9. Оп. 9/1. 1729 г. Д. 1.

№ 44. «Принц (правитель) Ливанской горы», «принц Либанон» [20/25 октября ? – 1 декабря 1732] – Иосиф Дагир Хабейх

Очередной «восточный властитель», посетивший Россию, тоже был, судя по всему, османским подданным арабского происхождения и маронитом. На момент приезда ему было не менее 30 лет. Женат ли он был – неизвестно. Видимо, он родился в Ливане и принадлежал к уже упоминавшемуся роду Хбейш, члены которого входили в правящую элиту Кесруана. Отцом лжемонарха был шейх Гори Иосиф. О других членах семьи известно лишь то, что к 1732 году один из братьев самозванца жил отдельно, но не слишком далеко от отца, а несколько других сыновей Гори Иосифа находились в итальянском Ливорно. К дальним родственникам самозванца относились Гори Андреа – возможно, дядя по отцу, а также представители другого знатного маронитского рода – Хазин (Хазен). Из числа последних нам известны три брата (возможно, двоюродные для самозванца), жившие в городке Густа восточнее Джунии (Кесруан). Это шейхи Захар, Хейкель и Хатар. Видимо, к роду Хазин принадлежали и двоюродные племянники самозванца – шейх Бу-Зерххан, один из адресатов Иосифа, и Талиб, конкурент нашего героя, а также их отец.

Скорее всего, Иосиф не бедствовал. Но это не мешало ему мечтать о большем. Желание добиться милостей от европейских монархов сделало его самозванцем (возможно, под влиянием сородичей). Взяв с собой секретаря по имени Вахабех-Халат и, вероятно, несколько слуг, новоиспечённый «принц» отправился в Европу. Это произошло не позднее начала 1731 года.

По всей видимости, «принц» довольно долго жил в Италии. На это указывает его знание итальянского языка. Быть может, какое-то время он провёл в Ливорно (город к северо-западу от Рима в герцогстве Тоскана) со своими братьями, если, конечно, те не обосновались там уже после того, как Иосиф покинул Апеннины. Можно утверждать, что самозванец жил в Риме, так как был знаком с «бенефициарием»⁶ ватиканского собора Святого Петра «аббатом

Ассемани». Скорее всего, речь идёт об Иосифе Симоне Ассемани (1688–1768) – крупнейшем знатоке культуры маронитов. Не исключено, что «ливанский принц» учился в Маронитском колледже, действовавшем в Риме с 1584 года. Возможно также, что в Италии наш герой впервые встретился на узкой дорожке с другим «правителем Ливанской горы» – дальним родственником Талибом. Как бы то ни было, на Апеннинях Иосиф богатства не сколотил. Этим, видимо, и объясняется его сотрудничество с местным банкиром Франсиско Амацоли.

Затем, как можно предположить, Иосиф посетил Францию, правители которой оказывали маронитам политическую и финансовую поддержку. Далее путь его лежал по землям Священной Римской империи. Тогда в неё входили и католические государства (например, Бавария, Австрия), и протестантские (Саксония, Вюртемберг, Бремен, Гольштейн, Мекленбург и др.). Не исключено, что ищущий милостей «восточный властитель» объездил столицы немалой части государств империи. Правда, золотой дождь на него так и не пролился. Из Лейпцига (Саксония) самозванец отправил отцу для оплаты вексель на 100 дукатов, получателем которых значился банкир Амацоли. Думается, у лжепринца были и другие долги. Находясь, по его собственным словам, «в крайне бедственном положении», Иосиф решил было ехать в Берлин, столицу протестантской Пруссии, но передумал и направился в католическую Польшу.

Не позднее лета 1732 года он и его подручные обосновались в Варшаве. Там лжемонарх познакомился с папским нунцием Паудучи и добился признания при дворе польского короля. Об этом Иосиф позднее написал в письме так: «Султан ляхов нам оказал милость – разрешил продолжить путь и снабдил письмом к султанше Московии...» В начале октября 1732 года самозванец двинулся к российской границе. Ехал он, видимо, через Белоруссию.

Примерно 20–25 октября он прибыл в один из российских форпостов и там «проявился» – представился местным пограничникам в качестве повелителя Ливана. Очевидно, ему поверили, раз дали разрешение следовать в Петербург. Самозванец, вероятно, получил не только «подорожную», но и «ямские подводы», толмача и солдат в провожатые. Мы не знаем, ехал он через Москву или же мимо неё, но примерно 11–12 ноября Иосиф оказался в столице. Потом он живописал своё путешествие из Варшавы так: «И мы добирались 40 дней, и ночью и днём, дорогами, кои были все изрыты и полны воды и песка. Во время этого путешествия мы потратили 150 дукатов, прежде чем въехали в город султанши Московии».

Лжемонарха со свитой поселили «у капитана Шепелева в Финском заливе». Весьма вероятно, что им, как и другим иноземцам, было запрещено выходить из дому без разрешения. Неделью «принц» провёл в ожидании официального приёма (очевидно, в Коллегии иностранных дел), дабы доложить о цели своего путешествия и подать императрице прошение о помощи.

О том, что было в день приёма (19 или 20 ноября), Иосиф потом написал в своих письмах родственникам: «И в тот самый час, когда мы уже отправились во дворец, дабы засвидетельствовать своё почтение, в отведённый нам для постоя весьма удалённый [от центра города] дом пришёл суший дьявол Талиб, а приехал он из Швеции»; «а ведь мы о нём ничего не знали и не имели никаких известий, и мы даже не подозревали, что он пребывает в этом же городе». «Волей-неволей мы вынуждены были вернуться обратно». «Поелику в этом городе мы с ним действовали по отдельности, то опасались, что один из нас останется ни с чем. Посему предложили мы ему объединиться». «Мы ему предложили действовать сообща, через что ни ему, ни нам уже не мог бы быть причинён вред, к тому же он весьма сведущ во французском языке. Однако он отказался. Он сказал: «Я буду заниматься своими делами, а ты занимайся своими». «Мы вновь отправились из дома, отложив свои дела в сторону, и прибыли во дворец, дабы отдать нижайший поклон. И он следовал за нами пешком. Тогда мы вошли во дворец и вручили... наши рекомендательные письма и наше прошение. И позднее он тоже пришёл во дворец и вручил... своё прошение». «...Мы ... побеседовали с министрами и доложили о нашем предприятии»; «представились мы все вместе, каждый в свой черёд, описали коротко и в целом наше состояние и беседовали с визирем (видимо, президентом Коллегии иностранных дел. – О. У.), дабы мы могли прийти во дворец и лично

засвидетельствовать своё почтение вышеуказанной (императрице. – *О. У.*)». «И каждый из нас вернулся обратно на место своего постоя».

Ответ на своё прошение Иосиф получил через восемь дней. Ему «разрешили возобновить путешествие... и дали паспорт», но главный итог он описал в письме нунцию Паудучи так: «Её Величество оказала мне великую милость –

[с. 35]

пожаловала тысячу рублей и своих лошадей, дабы я мог поехать в любую часть её страны. Знайте, Ваше превосходительство и почтенство, что в отличие от католических и прочих корон Бог воздал мне должное». Выходит, что соучастниками лжемонарха стали чиновники дипломатического ведомства и даже сама царица. Видимо, Анна Иоанновна хотела поддержать свой престиж, оказав милость человеку, которого ей рекомендовали другие правители.

Счастливчик решил отправиться «из Петербурга в Стокгольм, в город султана шведов», но на сборы ему потребовалось несколько дней. В это время вместе с ним жил уже и Талиб, по-прежнему ожидавший решения своей судьбы. Иосиф «услышал от визиря, что предстоит беседа на предмет выяснения истины» (вероятно, «расспрос» его и Талиба в Коллегии иностранных дел с целью установления обоснованности их притязаний на монарший статус), но не стал этого дожидаться. 1 декабря 1732 года он покинул Россию. Буквально перед отъездом он послал шесть писем: три – родственникам на Ближний Восток и по одному в Рим (Ассемани) и Варшаву (Паудучи). Все послания были перехвачены российскими властями и вряд ли дошли до адресатов.

Что было потом? Нам известно, что самозванец планировал из Швеции перебраться в Англию, затем в Рим, а оттуда вернуться домой. Сбылись его планы или нет – бог весть. Но у российских властей о «принце Либаноне» осталось впечатление как о сугубо корыстном человеке, который «для того по всей Европе ездил, чтоб ему под каким-либо претекс[т]ом (предлогом. – *О. У.*) денег нажить...»

Источники

АВПРИ. Ф. 9. Оп. 9/1. 1732 г. Д. 1; Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

№ 45. «Правитель Ливанской горы» ? [начало/середина ноября – декабрь 1732 ?] – Талиб

Точная формулировка титула, «похищенного» данным самозванцем, нам не известна. Но раз идёт речь о конкуренте Иосифа Хабейха, значит и здесь имели место притязания на статус правителя всего Ливана. Поскольку эти лжемонархи были в дальнем родстве (см. выше), то Талиб, очевидно, тоже был османским подданным арабского происхождения⁷ и маронитом, родившимся в Кесруане (Горном Ливане). Предположительно он был знатного происхождения – из рода Хазин и его братом был шейх Бу-Зерххан. К моменту приезда в Россию Талибу вряд ли было менее 20 лет. О его семейном положении ничего не известно.

Мы не знаем и то, раньше или позже Иосифа Хабейха он стал самозванцем, однако можно утверждать, что им он стал тоже из корысти и что это случилось не позднее 1731 года. Скорее всего, и Талиба, когда он бродил по Европе, сопровождала небольшая свита – секретарь и слуги. Не исключено, что его тур по христианским странам тоже начался в Италии, что он жил в Риме, учился в Маронитском колледже, был также знаком с Ассемани и что на Апеннинских путях родичей-конкурентов разошлись. Судя по отзыву Иосифа, что Талиб «весьма сведущ во французском языке», последний немало времени провёл во

Франции, где власти издавна поддерживали маронитов-интеллектуалов⁸. После пребывания в Швеции (очевидно, при дворе короля) наш герой пересёк Балтику и не позднее 18 ноября 1732 года оказался в Петербурге. Его «проявление» на территории России произошло, стало быть, в петербургском порту перед пограничными или таможенными чиновниками.

Получив разрешение жить в столице и расположившись на постой, Талиб, очевидно, стал ждать вызова из Коллегии иностранных дел. Каким-то образом он узнал, что в городе находится его родич-конкурент и даже выяснил, где именно тот живёт. 19 или 20 ноября Талиб нанёс неожиданный визит Иосифу Хабейху (см. выше). На предложение последнего объединить усилия по выпрашиванию денег у царицы «он не соизволил на то согласиться и при этом заявил, что каждый должен думать о своём собственном предприятии». Тем не менее оба самозванца отправились на приём в Коллегию иностранных дел. Обратим внимание на то, что Иосиф и его свита, судя по всему, ехали верхом или в карете, а Талиб шёл пешком (с окраины!). Видимо, в его кошельке было совсем пусто. Но тогда встаёт вопрос: была ли у него свита? Не остался ли он к тому времени один?

Бедностью Талиба можно объяснить и то, что вскоре он переехал к сопернику. Скорее всего, нехватка средств отражалась и на его внешнем виде, поэтому в глазах российских чиновников он явно проигрывал Иосифу. Если тот был осчастливлен значительной суммой, то Талиб или не получил от царицы ни рубля, или довольствовался небольшой подачкой. Основанием для такого предположения являются письма Иосифа из Петербурга от 1 декабря: «Но он всё ещё живёт в нашем доме и для нас более не помеха, поелику мы направляемся в Швецию, а он остаётся в Петербурге в нашем доме. По слухам из дворца, ему ничего не добиться, однако же мы этого точно не знаем»; «А он ещё здесь и не получил никакого ответа; и я нынче приуточился ехать к султану шведов, а он по-прежнему сидит в нашем доме... Я не знаю, дадут ли они ему что-нибудь или нет. А он весьма озабочен и огорчён и теперь жалеет, что не вошёл с нами в согласие. И он сам говорит, что они ему ничего не дадут». Больше о Талибе ничего не известно. Вероятно, ещё до января 1733 года он покинул Россию – либо Балтикой из Петербурга, либо (что менее вероятно) Белым морем из Архангельска.

Добавим напоследок, что, быть может, опыт общения с Абаиши, Хабейхом и Талибом позднее побудил российское правительство запретить въезд в Петербург очередным «восточным владетелям» – таким же самозванцам Шехашидиту и Мирбезу Гевейшу.

Источник

АВПРИ. Ф. 9. Оп. 9/1. 1732 г. Д. 1.

Примечания

¹ Марониты признают главенство папы римского, но их культ и нормы жизни в ряде моментов отличны от католических.

² Друзы – закрытая мусульманская конфессия.

³ См.: Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М. 1962. С. 32, 39; Булеков А. О маронитской церкви // Альфа и Омега. 1999. № 4 (22).

⁴ Базили К. М. Указ. соч. С. 31, 34, 35, 37, 38, 41, 42, 48, 63, 65, 73, 79, 82, 84.

⁵ Народы мира: Историко-этнографический справочник. М. 1988. С. 254.

⁶ «Бенефициарий» – видимо, обладатель церковного бенефиция, должности, с которой были связаны права на недвижимое имущество и соответствующие доходы.

⁷ Талиб – арабское мужское имя; в переводе значит «ищущий» // Гафуров А. Г. Имя и история. М. 1987. С. 194.

⁸ См.: Булеков А. Указ. соч.